

В мой архив.

Сталин.

249

Тов. СТАЛИНУ

Коба,

Сегодня я получил разосланные документы по делу о группе Слепкова и др. и сегодня же решил написать тебе по этому поводу.

Факты, приведенные в показаниях и совершенно для меня неожиданные (возобновление фракционной работы, "конференция", разговоры о "блоках" и т.д.) возмутительны и преступны, в особенности после признания обвиняемыми своих правоопportunистических ошибок. Никакие соображения личного порядка не могут заставить меня смягчить эту оценку: политически вся эта музыка переросла в контрреволюционную. Урок из этого очень большой, ибо здесь подведена большая историческая черта. Ты оказался прав, когда недавно несколько раз говорил мне, что они "вырвались из рук" и действуют на свой страх и риск, пряча от меня, сохранявшего с некоторыми из них личные отношения, свою деятельность.

В связи с этими неожиданными для меня фактами, я не могу не сказать, пересматривая вновь и вновь прошлое, что и я несу долю вины перед партией за тот тип отношений, который я, в свое время, создал между собой и участниками т.н. школы. Ты и здесь оказался прав.

Однако, не думай, что мое "мягкосердечие" шло так далеко, что я, "не сочувствуя конференции", о ней "не доложил" (твоя гипотеза, которую ты сказал мне в Б. театре). Ни о каких намерениях "возобновить фракц. работу", созвать "конференцию" и т.д. меня никто не информировал, да меня и не было в Москве (я уехал в Азию до приезда Слепкова, а вернулся после ареста участников "группы").

Чтоб не произошла ошибка, не могу еще раз не сказать о Е.Цетлине. Другие были разбросаны по Союзу: как они эволюционировали, и особенно как они "активизировались" на правоопportunистический салтык осенью — это лежало вне поля моего зрения. Но Ефим — за исключением периода моего отпуска — все время был у меня под рукой, и я скорее до-

пускаю, что против него сознательно пущена ядовитая стрела клеветы, чем то, что он был, хотя бы боком, участником фракционной работы. Он горячо и с настоящим энтузиазмом вкладывал свои силы в деловую работу, на практике защищая и проводя партийную линию.

От т. Томского я не слышал ни слова ни о "кадрах", ни о "конференции" и т.д., так же как и от Ефима Ц. Считаю совершенно невероятным, чтоб Т. давал такие "директивы". Надежды оппозиционных группочек на то, что я "примкну", когда "они" получат большинство в партии - глупы и нелепы. Я не страха ради иудейско защищаю линию ЦК, а потому, что она правильна и другой линии не может быть. О разных возникавших у меня соображениях (напр., о хлебн. налоге) я говорил в свое время нескольким членам ПБ и, как выяснилось из разговоров, это шло по линии уже намечавшихся вами мероприятий. А что вся международная обстановка и огромное напряжение, с которым мы подвигаемся внутри страны, требует величайшей сплоченности, - этого не поймет только человек, ставящий групповые интересы выше интересов партии.

Твой Николай

P.S. Готовясь (только начал) к докладу о Марксе, я нашел такое место в его письме от 14 авг. 1851 г. Энгельсу (на него не обращалось, кажется, внимания, а оно имеет прямое отношение к нашей земельной политике):

"Чем более я копаюсь в этом навозе (сказано крепче: Дреск, речь идет о Прудоне) тем более я убеждаюсь, что реформа агрикультуры, а, следовательно, и основанного на ней собственнического свинства, есть альфа и омега грядущего переворота. Без этого прав (окажется) отец Мальтус" ("Brietwechsel", 1-й том, стр. 226). Другими словами: без социалистического крупного сельского

хозяйства ничего не выйдет, и кормиться будет нельзя ("Мальтус прав"). Такой категорической и ультра-выпуклой формулировки я не помню. Всю тему следовало бы прямо разработать, в особ. в связи с нашими проблемами. Не так ли? Привет!

Н.Б.

2.Ш.33 г.

